

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П61

Художник — *Ирина Сальникова*

В оформлении переплета использован
фрагмент картины Аньоло Бронзино
“Портрет Биа Медичи” (1542)

Посвятовская, Елена Николаевна.

П61 Жила Лиса в избушке : [рассказы] / Елена Посвятовская, предисл. Татьяны Толстой. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 411, [5] с. — (Женский почерк).

ISBN 978-5-17-118306-6

Елена Посвятовская — прозаик. По профессии инженер-строитель атомных электростанций. Автор журнал “Сноб” и сборников “В Питере жить” и “Птичий рынок”.

“Книга рассказов «Жила Лиса в избушке» обречена на успех у читателя тонкого, чувствительного к оттенкам, ищущего в текстах мелкие, драгоценные детали. Никто тут вас не завернет в сладкие одеяла так называемой доброты. Никто не разложит предсказуемый пасьянс: вот хорошая такая наша дама бубен, и вот как нехорошо с ней поступили злые дамы пик или валеты треф, ай-яй-яй. Наоборот, скорее.

Елена Посвятовская в этой, первой своей, книге выходит к читателю с прозой сразу высшего сорта; это шелк без добавки синтетики. Это настоящее” (*Татьяна Толстая*).

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Посвятовская Е.Н.
© Толстая Т.Н., предисловие
© ООО “Издательство АСТ”

ISBN 978-5-17-118306-6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие Татьяны Толстой</i>	7
--	---

ТАК И ЖИЛИ

Станция Харик	13
Жила Лиса в избушке	34
Тебе и ежу погожу	52
А на груди кармашек прозрачный.....	66
Вожатый Володя	82
Девять дней.....	103
Чудо.....	122
Сырники с черникой.....	154

ВСЕ ПО-ДРУГОМУ

Скорее всего, добро не победит	179
С любовью	210
В Рождество	233
Кардиолог	252
Дивенский сад	276
14-я и 15-я	289
Однажды на Мойке	352
Один день Дины	372

Эта книга обречена на успех у читателя тонкого, чувствительного к оттенкам, ищущего в текстах мелкие, драгоценные детали.

Никто тут вас не завернет в сладкие одеяла так называемой доброты. Никто не разложит предсказуемый пасьянс: вот хорошая такая наша дама бубен, и вот как нехорошо с ней поступили злые дамы пик или валеты треф, ай-яй-яй.

Наоборот, скорее.

Нет тут хороших или плохих, есть разные люди с понятными и почти простительными слабостями, вот просто обстоятельства так складываются, что надо приврать и немного наподличать, и сверху еще немного приврать, но что же делать-

Предисловие

то? — ведь мне нужнее, и я возьму. А вы — в следующий раз. Так как-то получается, что я себе дороже, чем вы, извините. И вы бы так сделали, если бы были немножко расторопнее, но вы раззява. Поплачем же вместе.

Это жизнь, это вот она так идет, бежит цветным потоком, закручивается воронками; и каждый-то со своим ведерком прыгает по камушкам, старается зачерпнуть себе удачи и везения. А на всех не хватает.

Прелесть этих новелл еще и в том, что в них центр повествования не привинчен намертво крепким сюжетным шурупом, но как бы сдвинут, растушеван, растекается, как акварель на мокрой бумаге. От этого и смыслы сдвигаются и двоятся, прокрашивая текст цветными пятнами.

Елена Посвятовская в этой, первой своей, книге выходит к читателю с прозой сразу высшего сорта; это шелк без добавки синтетики. Это настоящее.

Татьяна Толстая

Моим драгоценным родителям

Так и жили

СТАНЦИЯ ХАРИК

Свисток кондуктора, тревожно и торжественно загудел паровоз, мощный звук отсечки — пффффф. Всё тронулись. Мимо медленно плывет дымная станция, засыпанная ночным белейшим снегом, обшитый тесом одноэтажный вокзал, нарядный от этого снега, сдвоенные окна под резными сандриками. Саша любит ускользящими карнизами в пропиленной резьбе, хотя два года назад, когда сошел здесь на перрон по месту распределения, был убит видом здания: барак, да и только. Такие же кружевные деревянные вокзалы и в Мариинске, и в Ачинске, в Канске, в Зиме один в один, говорят. На сотни транссибирских километров. Еще при царе строились, по типовому проекту. Новосибирск и Томск с таких начинались.

Чудесно пахнет гарью, и солнце пронизывает плацкорт через мутные стекла, от которых сквозит.

— Не пересядете на боковое? Нам бы позавтракать.

Саша не против: какая теперь разница, станция осталась позади. Мимо протопал кондуктор, отдуваясь, задел его краем тулупа. Свисток у него на цепи из гибкого шомпола. Немецкого. Эта мода у них сразу после войны пошла, двенадцать лет уже.

Такое необычное воскресенье. Конечно, Саша предпочел бы сейчас с женой Варенькой долго пить чай с оладьями, потом, пока подходит тесто на шанежки, гулять под тихими хлопьями по городу среди деревянных и каменных особнячков, построенных по радостной купеческой прихоти, за нарядными тисовыми воротами, с филенчатыми резными ставнями. Он помог бы беременной Вареньке отскрести половицы песком до желтизны. И сетку железную с буровой для этого привез, фильтр с дизеля. Но ничего, ничего, путь его недолгий — полтора часа до Харика, полтора обратно, дом нужный отыскать, поговорить там, чаю выпить. Засветло думал в Тулун вернуться.

Все равно уютно в мороз в жарком вагоне, текут за окном синие снега, провода чертят в небе,

тайга подбегает к окнам, крутит белыми шапками перед носом. Одна из соседок лупит куриное яйцо, держа его в горстке, говорит негромко:

— ... Умерла от пьянства, другие сожительницы не лучше. Он их отмоеет, отчистит, к хозяйству приставит, хоть на женщин становятся похожи. Но если в праздник пригубят — всё. Не удержишь. Потом все заново: отмоеет, отчистит, приставит...

Вернулся из туалета сосед в полосатой пижаме. Бросив мыльницу и полотенце на столик, убежал курить. “Шипр” прибил запах вареных яиц. В солнечном луче пляшут ворсинки от постелей. Стучат колеса, позвякивает ложечка, дрожит черный чай в серебряных ветках подстаканника.

Подстаканник этот снова напомнил Саше, куда мчит его поезд.

* * *

Тогда, два года назад, не в силах усидеть на месте, он сгреб стаканы со столика, сам понес к проводнице. Поезд подходил к столице. В вагоне суетились, сдавали белье, тянули чемоданы с высоких полок. Соседка кудряшками в зеркальце — то вправо, то влево, складывала губки.

— Москва, Москва, — дрожал вагонный воздух.